

Этнография тюркского мира

Ethnography of the Turkic world

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.525-538>

EDN: AWLZIO

Формирование культуры статусных похорон в татарском обществе в 1910–1940-х гг.

А.Р. Шайхин

Национальный музей Республики Татарстан

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Российская Федерация

a-shayhi@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию появления и эволюции культуры статусных похорон в татарском обществе между 1912 и 1942 гг. Под статусными похоронами понимаются публичные ритуальные мероприятия, прощания и захоронения, в которых выражается высокий общественный, социальный или культурный статус покойного. В работе анализируется влияние социальных, политических и религиозных факторов на коллективные ритуалы прощания и похорон, раскрывается историческая динамика изменений этих обрядов под влиянием модернизации, революции 1917 г. и послереволюционных трансформаций социума. В статье прослеживается, как публичные похороны стали пространством не только религиозного действия, но и ареной социального признания, демонстрации статуса и сплочения общины.

Отмечается, что статусные похороны были важным институтом символической борьбы и самоидентификации, отражающем как традиционные, так и современные для изучаемого периода идеалы, в том числе черты светскости и коммеморативности. Особое внимание уделяется роли ключевых общественных фигур, религиозных лидеров и интеллигенции – их похороны становились значимыми городскими событиями. Анализируется ход и специфические черты похорон Х. Ямашева, Г. Тукая, К. Якуба, Г. Баруди, Ф. Амирхана, Х. Такташа, Г. Камала, Ш. Камала. В статье выявляются социокультурные механизмы институционализации и переосмысления похоронного обряда, демонстрируется, как изменения в ритуале становились индикатором перемен в статусной структуре татарского общества и динамики его модернизации. Исследование основано на анализе источников из фондов Национального музея Республики Татарстан, периодической печати и мемуаров.

Ключевые слова: похороны, обряд, смерть, повседневная жизнь, похоронная культура, социальный статус, модернизация.

Для цитирования: Шайхин А.Р. Формирование культуры статусных похорон в татарском обществе в 1910–1940-х гг. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 525–538. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.525-538> EDN: AWLZIO

Formation of the culture of public funerals in Tatar society in the 1910s–1940s

A.R. Shaykhin

National Museum of the Republic of Tatarstan

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

a-shayhi@yandex.ru

Abstract. The article examines the emergence and evolution of the culture of high-status funerals in Tatar society from 1912 to 1942. The term “high-status funerals” refers to public farewell and burial rites that articulated the social or cultural prominence of the deceased. The study analyzes economic, political, and religious factors shaping collective funeral practices and traces their transformation under the impact of modernization, the 1917 Revolution, and subsequent sociopolitical changes. It demonstrates how public funerals functioned as a space of religious ceremonies and simultaneously as instruments of social recognition and arenas for the display of status and communal solidarity. It is pointed out that high-status funerals served as an important platform of symbolical struggle and self-identification, which reflected both traditional and modern ideals of the period under review. Particular attention is devoted to the funerals of prominent public figures, religious leaders and intelligentsia, such as Kh. Yamashev, G. Tukay, K. Yakub, G. Barudi, F. Amirkhan, Kh. Taktash, G. Kamal, and Sh. Kamal, whose funerals were considered significant events in the city’s life. The study reveals distinctive features of Tatar high-status funerals during the early Soviet period and identifies mechanisms of institutionalization and reinterpretation of funeral rituals. The analysis shows that the transformation of burial rites reflected broader changes in the system of Tatar society’s social hierarchy and the dynamics of its modernization. The research is based on the analysis of sources from the funds the National Museum of the Republic of Tatarstan, periodical press, and memoirs.

Keywords: funeral, ritual, death, everyday life, funeral culture, social status, modernization.

For citation: Shaykhin A.R. (2025) Formation of the culture of public funerals in Tatar society in the 1910s–1940s. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 525–538. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.525-538> (In Russ.)

В дореволюционном татарско-мусульманском обществе похоронные практики регламентировались конфессиональными нормами, но при этом могла наблюдаться некая вариативность во включении тех или иных элементов общепринятых «стандартов» похорон, обусловленной региональными, социальными или религиозно-правовыми причинами. Процесс модернизации и внедрения западных практик в повседневность татарской жизни привел к появлению такого явления как публичные, или статусные похороны. Стоит отметить, что для мусульманской культуры похороны – это всегда публичное, а не частное событие, и с точки зрения религиозной практики, участие в проведении обрядов прощания с умершим, чтение коллективного похоронного намаза является безусловной обязанностью членов мусульманской общины. Но, начиная с 1910-х годов в жизни татар-мусульман Казани похороны некоторых выдающихся политиче-

ских и культурных деятелей становятся важным публичным событием, во время которого сталкиваются сакральный смысл похорон и их культурное и, нередко, политическое значение.

Это происходило под влиянием публичных политических похорон, вошедших в обиход городской жизни Российской империи с конца XIX в. Еще до революции 1917 г. формируется канон политических похорон жертв революционной борьбы (Соколова, 2016: 78). В это время встречались ситуации сочетания публичных политических похорон с православной традицией, с политическими проповедями. Но в большинстве случаев происходило замещение религиозного ритуала неким светским аналогом. Аналогичный процесс происходил и в татарском обществе.

Статусные похороны были не просто публичными мероприятиями. В отличие от похорон обычных людей, они были посвящены лицам, признанных «выдающимися» в конкретное время и место. Статусные похороны имели возвышенный, объединяющий и «торжественный» характер. Нередко они становились событиями, на некоторое время унифицирующими татарское общество.

Первыми политическими похоронами в жизни татар Казани стало прощание с журналистом, «революционером-большевиком» Хусаином Ямашевым (1882–1912). Молодой деятель большевистского движения, студент Казанского университета неожиданно скончался 13 марта 1912 г. Так как он вполне соответствовал сложившемуся канону героев политических похорон, сообществом студентов-демократов и большевиков было решено придать его кончине особое значение. Казанское губернское жандармское управление в этой связи сообщало губернатору, что студенты учредили три комиссии для лучшей организации похорон: комиссию погребения, комиссию подготовки статей для газет, комиссию для подготовки речей. Студенчество постановило собрать деньги для учреждения стипендии памяти Ямашева (Хәсәнов, 1959: 201).

Согласно воспоминаниям современников и по оценке советских биографов, похороны Ямашева приобрели характер демонстрации (Хәсәнов, 1959: 202). Публичная часть прощания – последний маршрут – начался со двора Казанского университета. Уже это выделяло прощание с Ямашевым от других масштабных татарских похорон, для которых был важен топос дома, в котором проживал покойный. Было заметно включение светских декоративных элементов погребальной обрядности – живые цветы, траурные ленты, венки. У могилы Ямашева произносились речи, в частности, выступил студент Абдрахман Мустафин. Были сделаны фотографии процессии у морга, во дворе университета и на площади перед чтением похоронной молитвы. Г. Камал в статье для газеты «Йолдыз», посвященной этим похоронам, кавычками выделяет слово «саубуллашу» – прощание: «*Һәркем аның илә иң актык мәртәбә күрешеп калу «саубуллашу» өчен килгәннәр иде*» (Камал, 1912: 4). Этим подчеркивается принципиальная новизна обряда для татарской общественности указанного периода.

В процессе прощания с Ямашевым соблюдались и конфессиональные нормы, и местные обряды. Были зачитаны аяты из Корана, произнесен *тахлил*,

сохранялся мусульманский характер похорон. Заметим, что, по воспоминаниям Г. Камала, женщины наблюдали за процессией из окон домов и не принимали непосредственного участия в похоронах.

Практически в течение одной недели в марте 1912 г. татарская общественность простилась с еще одним выдающимся деятелем. В Москве трагически оборвалась жизнь золотопромышленника и издателя Шакира Рамеева, а его похороны прошли 21 марта в Оренбурге. Само прощание было масштабным и широко освещалось в татарской прессе (Бертуган Рэмиевлэр, 2002: 127). Однако в воспоминаниях не упоминается использование новых светских элементов, кроме как фотофиксации маршрута похоронной процессии. Несмотря на то, что семья Рамеевых была хорошо знакома с европейской похоронной культурой, в вопросах религиозной обрядности она сохраняла приверженность конфессиональным нормам.

Важнейшим событием, определившим развитие культуры статусных похорон в татарском обществе, стала смерть Габдуллы Тукая в 1913 г. Это одно из наиболее подробно задокументированных историй болезни, смерти и похорон татарского деятеля дореволюционной эпохи. В отличие от внезапной смерти Х. Ямашева, к кончине Тукая готовились, так как по прогнозам врачей в марте 1913 г. стало ясно, что поэту осталось жить совсем немного времени. Поэтому уже в больнице были сделаны его фотографии, а после смерти снята посмертная маска. Новости о состоянии поэта печатались в татарской прессе, а весть о смерти быстро дошла даже до отдаленных деревень и казахской степи (Дусаева, Гиматдинова, 2017).

Похороны Тукая прошли 4 апреля 1913 г. (по ст. стилю). Не имея политического характера, они, тем не менее, стали манифестацией национального единения. В день похорон закрылись редакции татарских газет, не велись занятия в медресе. Во всех воспоминаниях отмечается огромное количество участников траурной процессии, мусульман, принявших участие в коллективной молитве и непосредственно на погребении на Мусульманском кладбище. Процессия затрагивала центральные улицы «русской» и «татарской» Казани (начиналась с Молочного переуллка, шла по Проломной и Университетской, далее продвигалась по улицам Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод), в связи с чем стала заметным событием для всех жителей города вне зависимости от конфессиональной принадлежности.

Для похорон Тукая было характерно естественное сочетание конфессиональных норм с элементами новой статусной обрядности. Было совершено омовение тела в соответствии с канонами ислама, неоднократно читался Коран (среди дежуривших у тела и читавших суры был будущий скульптор, тогда шакирд «Мухаммадии» Б. Урманче), произносился *тахлил*. Был совершен коллективный похоронный намаз, а после погребения, непосредственно у могилы, зачитаны дополнительные суры. Все это продолжало сложившуюся традицию прощания с умершими. Одновременно были использованы заимствованные и адаптированные из городской русской культуры элементы. Среди них, во-первых, выражение

признания с помощью цветов и венков, а также использование траурных лент с надписями. Обилие цветов упоминается в воспоминаниях и подтверждается фотофиксацией события. Во-вторых, это тщательная фотофиксация не только похорон, но и самого тела усопшего. Желание сохранить для будущих потомков образ человека, как живого, так и мертвого, стало новым явлением для татарской культуры. В-третьих, в похоронах, включая ту часть ритуала, которая совершается на кладбище, приняли участие и женщины. В-четвертых, как и на «политических» похоронах Ямашева, произносились речи и зачитывались стихи поэта. Среди выступавших упоминаются имена преподавателя медресе Габдуллы Гисмати, писателя Фахрислама Агиева, адвоката Шайхаттара Иманаева и издателя Гильмутдина Шарафа (Материалы..., 2021: 306).

Погребение Тукая на Мусульманском кладбище (современное название – Ново-Татарское кладбище) привело к переосмыслению этого топоса в татарской мемориальной практике. Старая центральная аллея кладбища постепенно стала пантеоном выдающихся деятелей людей эпохи Тукая и их духовных потомков, а могила поэта – местом совершения ежегодных коммеморативных практик.

Похороны Тукая стали важным маркером модернизации татарского общества. Новые элементы, пришедшие в публичную ритуальную сферу в 1912–1913 гг., быстро стали неотъемлемым стандартом похорон поэтов, учителей, представителей «демократических» кругов. Однако отношение к новой обрядности было неоднозначным даже в кругу джаидов. Наиболее четко свою позицию выразил Фатих Амирхан в статье *«Мәгънәсез тәкълid»* («Бессмысленное подражание») для газеты *«Кояш»* в 1914 г. В ней Амирхан осуждает «новую моду» на возложение цветов и венков во время похорон, считая, что это нововведение, пришедшее из европейской и русской культуры, не соответствуют исламскому взгляду на смерть. В конце этой небольшой статьи он призывает соотносить новые традиции с «национальным духом» и решать, стоит ли вводить новые обряды или нет (Әмирхан, 2016: 56). Как видно по событиям 1926 г., сам он не смог избежать вовлечения в дискуссию о правилах советских прощальных ритуалов.

Революция 1917 г. и Гражданская война в России разделили общество во всех сферах жизни. В стране появились некрополи и формы мемориализации новых героев. Менялось отношение к самой смерти и постмортальным обрядам: вместо похорон с религиозной семантикой началось утверждение материалистичных похорон, в которых смерть представлялась как абсолютный конец (Соколова, 2022: 101). Одновременно шло формирование новой гражданской обрядности в виде «красных» свадеб, именин, крестин и похорон.

Коммунистические похороны и церемонии прощания с жертвами Гражданской войны были резонансными событиями и способствовали дальнейшему утверждению новых похоронных практик. В татарской части общества они отличались от прежних, конфессионально окрашенных обрядов, светской и даже атеистической направленностью. Шел отказ от погребальных молитв, появился

порядок похорон с использованием гроба и погребением в одежде (например, в шинеле). Молчаливая и скромная сакральность обряда заменилась торжественностью в виде музыки, траурных речей и процессии.

Вероятно, одним из самых первых «коммунистических» похорон стало прощание с революционером Камилем Якубом (1894–1919). Он был убит в июне 1919 г. во время восстания Татарского запасного батальона. Гибель татарского большевика вызвала резонанс и резкую реакцию советских властей (в ответ на восстание и гибель Якуба был расстрелян имам Г. Апанаев). Для татар-большевиков К. Якуб становится сакральной фигурой, пожертвовавшей собой во имя новой жизни, и субъектом мемориализации (в честь него названы улица в Казани и государственная типография).

После 1922 г. останки К. Якуба, Г. Ваисова и ряда революционеров, ранее захороненных на территории Казанского Кремля, были перенесены в «Русскую Швейцарию». Так в Казани появляется важная локация, призванная сохранить память о героях революционного движения – Братское кладбище. Как известно, братские захоронения и некрополи революционеров стали повсеместным явлением после 1917 г. Появлялись они не только в городах, но и в деревнях, в которых происходили военные действия или столкновения представителей противоборствующих сторон. В списке объектов культурного наследия, находящихся на территории современной Республики Татарстан, присутствуют индивидуальные и братские могилы комсомольцев, учителей, агитаторов, погибших от рук белых, кулаков или участников Вилочного восстания. Казанское Братское кладбище, расположенное на территории современного Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького, было призвано стать главным в ТАССР пантеоном новых героев и мучеников. В отличие от дореволюционных кладбищ, оно объединяло усопших и русского, и татарского происхождения. На кладбище имеются как собственно братские захоронения, так и индивидуальные могилы.

Параллельно с зарождением нового распорядка статусных похорон, случались и нечастые, но значимые статусные прощания «старого» формата. Так, в 1921 г. в Казани простились с муфтием и богословом Галимджаном Баруди. Он умер 6 декабря во время поездки в Москву, поэтому уже в столице было организовано торжественное прощание и отправка тела покойного в Казань. На фотографиях, сделанных в Москве, видно, как мусульмане сопровождают процессию с *табутом* покойного муфтия до Казанского вокзала. Среди участников прощания оказались консулы Турции, Ирана и Афганистана. Возможность организации такого масштабного для сложного 1921 г. мероприятия была обусловлена статусом Баруди как лидера российских мусульман. Разрешение на организацию перевозки дал И. Сталин, поручивший улаживание дальнейших вопросов М. Калинину. 8 декабря 1921 г. в Москве совершилась коллективная похоронная молитва, а 13-го числа вагон с телом муфтия прибыл в Казань. На следующий день тело было погребено на Ново-Татарском кладбище.

В случае похорон К. Якуба и Г. Баруди наблюдалось относительно спокойное, параллельное существование двух культур статусных похорон. Это бы-

ло связано с тем, что участники этих двух событий в 1917–1920-х гг., как правило, не пересекалась. Однако в 1926 г. умирает классик татарской литературы, писатель и драматург, журналист Фатих Амирхан (1886–1926). Прощание с ним ознаменовало существенный сдвиг в огосударствлении похорон значимых деятелей татарской культуры.

Сведения о смерти и похоронах Ф. Амирхана зафиксированы в нескольких опубликованных источниках, в том числе в памятных статьях и репортажах в газетах 1926 г. Краткая история болезни Ф. Амирхана была собрана И. Биккуловым. Репортаж с траурной церемонии и похорон опубликовала газета «Кызыл Татарстан» 14 марта 1926 г. Сохранился ценный источник сведений по изучаемой теме – специальный дневник друга Ф. Амирхана Карима Сагида. Он расшифрован и опубликован в 2016 г. (Кәрим Сәгыйд, 2016: 220).

К. Сагид дал не только краткое описание истории болезни Амирхана, но и скрупулёзно записал все события последних недель жизни писателя с 26 февраля до 12 марта (дня похорон) 1926 г. – медицинские показания, социальные связи писателя, вплоть до регистрации его посетителей. Из списка «дежурных» членов семьи, друзей и молодых татарских врачей видно, что соблюдалась традиция не оставлять больного и умирающего одного. 27 февраля в квартире К. Сагида состоялось совещание о дальнейших действиях. Рассматривался и сценарий смерти писателя, организации его похорон. Собравшиеся постановили собрать до 500 рублей на отправку Амирхана для лечения в Крым или для проведения похорон. Было решено, что к сборам не будут привлечены «посторонние, в том числе купцы из Сенного базара».

4 марта состояние Амирхана сильно ухудшается. На следующий день близкие друзья и родственники писателя встречаются для обсуждения «проекта» похорон и решения судьбы его мемуаров, писем и рукописей. 6 марта стало понятно, что надо начинать подготовку к погребальным обрядам, решать организационные вопросы. Близкое окружение Ф. Амирхана задается вопросом о наличии у него письменного завещания с пожеланиями о форме похорон. К. Сагид пишет о том, что до поездки в Крым осенью 1925 г. писатель устно определил исполнителей завещания и просил похоронить себя по исламскому ритуалу, но без «обрядов» – *бид'а*, т.е. «нововведений» из традиционного для казанских татар репертуара похоронно-поминальных практик: выплаты выкупной милостыни *фидия*, искупительного обряда *даур*, прочтения полного Корана нанятым человеком, проведения поминок в 7, 40 и 51 день. Примечательно, что Амирхан, по словам И. Биккула – одного из исполнителей завещания – отказался и от элементов гражданских похорон, траурных лент и цветов. 7 марта это устное завещание было подтверждено умирающим и переписано муллой Г. Амирханом. При этом сам писатель уже не был в состоянии подписать подготовленную бумагу, в итоге «мусульманское» завещание Фатиха Амирхана осталось не заверенным, что позже вызвало у сторонников светских похорон вопросы о легитимности бумаги.

9 марта 1926 г. в 10 часов 10 минут Фатих Амирхан умирает в окружении родственников и близких людей. Дневник К. Сагида показывает, что в последние дни писателя, когда уже было ясно, что исцеление невозможно, соблюдалась принятая в татаро-мусульманской среде практика прощания с умирающим и читалась сура «Ясин».

Однако имелась и светская статусная характеристика похорон Фатиха Амирхана. Со стороны «традиционалистов» – сторонников прощания с писателем по мусульманским канонам – светскость и статусность проявлялась в подходе к решению организационных вопросов. Сразу после смерти Амирхана появляется «Центральная похоронная комиссия» из близких и родственников. Она постановляет соблюсти пожелания писателя по проведению мусульманских похорон, а желающим принести венки и цветы предлагается передать деньги на покупку ненужных реквизитов «фонду Фатиха Амирхана».

С этого дня учреждались три «подкомиссии»: для информационной работы, оповещения и подготовки речей; для организации омовения, подготовки могилы, почетного караула, публичной прощальной церемонии, проведения похоронной молитвы и погребения; визуальной фиксации: снятия посмертной маски, фотографирования усопшего и похорон, записи похорон на киноленту. Предполагалось создание четвертой комиссии для практик памяти, установления надгробного камня и ограды, передачи наследия в музей и проведения ежегодных мероприятий.

По сценарию «центральной комиссии» тело усопшего должно было быть подготовлено к погребению утром 11 марта. 12 марта в 13:00 по сценарию начинается похоронная процессия: тело выносится из дома, дальше все участники идут до театральной площади. Похоронная молитва читается на площади Мулланура Вахитова (ныне Юнусовская площадь). Право нести покойного предоставлялось только представителям студенчества и преподавателям.

Однако после объявления кончины Ф. Амирхана его похороны становятся ареной борьбы «партийной» и «беспартийной» интеллигенции. Первые, в лице Ф.Бурнаша, настаивали на проведении светских публичных похорон, а чтение коллективного намаза предлагалось организовать непосредственно на кладбище. В период с 9 по 11 марта давление со стороны партийных активистов нарастает, в итоге вечером 11 марта проводится заседание похоронной комиссии с участием «традиционалистов» и «коммунистов».

По записям К. Сагида видно, что партийная интеллигенция не имела принципиальных возражений против проведения сугубо религиозной части похорон, но настаивала на включении в сценарий светской части на театральной площади с произнесением соответствующих речей. Несмотря на то, что в последние годы жизни Ф. Амирхана его имя постепенно обрастало критикой и негативной оценкой, после смерти т.н. «передовая» коммунистическая интеллигенция не хотела «оставлять» его людям «старого» порядка. В результате бурного обсуждения стороны пришли к компромиссному варианту: гроб с усопшим останавливается для митинга на театральной площади и для молитвы на площади М. Вахитова.

Сочетание новых гражданских практик и норм мусульманского похоронно-поминального обряда в случае прощания с Амирханом достигает апогея: проводится и «партийный» митинг (но без участников Съезда Советов ТАССР, который открывался в эти дни), и «джадидский» (с речами представителей близкого к Амирхану «фланга» татарской интеллигенции и молодежи). По словам К. Сагида, коммунисты невольно становятся частью коллективной похоронной молитвы, сопровождают процессию вплоть до погребения на Новотатарском кладбище. Показательно, что в описании последних этапов процессии сведения в дневнике К. Сагида и репортажной статье «*Фатих Әмирханны соңгы юлга озату*» из газеты «*Кызыл Татарстан*» разнятся: в последней подчеркивается, что на площади Вахитова выступали только родные и близкие Амирхана, а выступление муллы Габдуллы Амирхана перебивали молодежь и рабочие. Сагид пишет о многочисленности людей, читавших коллективную молитву и дошедших до кладбища, а газета сообщает ровно наоборот (Хәбәрче, 2005: 167).

Похороны Фатиха Амирхана отражали сложный процесс становления советской культурной политики и политики памяти. 1920-е годы были временем борьбы между различными группами татарских литераторов, по-разному представлявших для себя «канон» литературной истории. Смерть деятеля «буржуазной» эпохи дала свободу для приемлемой с точки зрения партийной интеллигенции интерпретации роли Ф. Амирхана в истории татарской культуры. При этом сами его похороны продолжали тренд, заданный организаторами прощания с Тукаем и включали в себя элементы светских и религиозных обрядов. Публичный характер события подчеркивался централизованной организацией всех процессов, наличием манифестации – митингов, широким освещением в СМИ и масштабностью (в прощании принимало участие несколько тысяч человек, а порядок обеспечивала конная милиция). Важно, что организаторы смогли договориться о форме обращения с телом усопшего: соблюдалась последняя воля писателя, тело было подготовлено в соответствии с мусульманским канонem (по фотографиям видно, что оно обернуто в саван), и он нашел место упокоения в профессиональном кладбище недалеко от могил родителей и родственников.

В целом, в конце 1920-х годов происходила стандартизация порядка советских статусных похорон. В татарской культурной жизни Казани в это время произошло несколько «знаковых» смертей. Так, в сентябре 1926 г. на Братском кладбище был похоронен молодой писатель Фахри Асгат, умерший в возрасте 24 лет. Его друзья-писатели организовали коммунистические похороны со всеми элементами статусных похорон, а сама его смерть парадоксальным образом стала олицетворением «гибели в борьбе за новую жизнь», но в условиях мирного времени (Әсгать, 1927: 10).

Творчество молодых революционных литераторов этого времени наполнено пафосом героической смерти и равнодушия к похоронам. Например, М. Аспиранский, умерший очень молодым, пишет о том, чтобы «товарищи оставили его тело и разошлись по своим делам, вершить дальше революцию в мире». В

рассказах Ф. Асгата присутствуют размышления автора о своей смерти, полные натуралистических описаний процессов гибели и разложения организма.

Несмотря на такой посыл, татарское советское общество продолжало внимательно относиться к прощальным церемониям. 28 февраля 1927 г. скончался актер Нури Сакаев, чья смерть вдохновила С. Сайдашева на написание первого татарского траурного марша «*Сакай маршы*». Постепенно утвердилась традиция исполнения этого марша на прощальных мероприятиях.

В 1930-х годах произошла окончательная победа гражданского подхода к организации статусных похорон деятелей татарской культуры. Прекрасным примером исполнения нового ритуала может служить прощание с Х. Такташем. Смерть культового татарского поэта Хади Такташа (1901–1931) была подробно описана в исследовательской литературе. Более того, история болезни Такташа практически сразу после его кончины была опубликована в газете «Кызыл Татарстан» в декабре 1931 г. (машинопись статьи хранится в НМ РТ, КППи–124352/1035). В ней описаны многочисленные процедуры, сделанные медицинскими работниками с целью спасения поэта, умирающего от менингита.

Поэт умер 8 декабря 1931 г. в 6 час утра. В этот же день его тело было перенесено сначала в анатомический театр Казанского университета, а затем в Белый зал Дома татарской культуры (тогда уже Дом союза просвещения). Уже в первый вечер к гробу покойного поэта пришло проститься более 700 человек. Поздно ночью скульптор Садри Ахун снял посмертную маску.

Для решения организационных вопросов было созданы две параллельные комиссии: правительственная во главе с Хакимовым и общественная, в которую вошли представители газеты «*Кызыл Татарстан*» и члены ТАПП. Дополнительно учредили погребальную комиссию для решения соответствующих вопросов и редакционную комиссию для описи архива поэта. Краткий отчет о деятельности всех органов был напечатан в специальном номере литературного журнала «Атака» (Атака, 1931: 4).

9 декабря на протяжении всего дня у гроба дежурил почетный караул из членов семьи, писателей, артистов, студентов и рабочих, был организован караул из пионеров. Траурный марш исполняли оркестры татарского театра и татаро-башкирской военной школы.

Похороны состоялись 10 декабря. В 13 часов гроб с телом Такташа вынесли на улицу Островского, затем прощальная колонна двинулась по улицам Баумана и Кооперативная. Траурный митинг состоялся на площади Свободы, где выступали представители правительства, писательской организации, Красной Армии и ведомств, имевших отношение к Такташу. Второй этап прощальных речей начался уже непосредственно на Братском кладбище. Здесь выступило близкое окружение поэта. Интересно, что организаторы выполнили еще одну важную часть торжественных советских похорон – это оружейный салют. Процессом командовал комдив Я. Чанышев.

В воспоминаниях о прощании с Такташем подчеркивается масштабность события, его значимость в жизни татарской культуры Казани. Популярность

Такташа как поэта и неожиданная кончина привели к тому, что церемонию посетило огромное количество человек. Описание происходящего оставил писатель Г. Иделле:

Табутны алып чыгу жиңел булмады. Бөтен Островский урамын халык дулкыны баскан. Бер-беренә сыланып, кысыла-кысыла шулкадәр тыгыз булып килеп терәлгәннәр ки, хәтта ишекне ачарлык та түгел. Юл бирүне сорап мөрәҗҗәгать итү-үтенүләр дә нәтиҗәсез калды. Атлы милиция чакыртылды. Аларга да бу эш жиңел булмады. Тәрәзәләрдән күзәтеп торабыз: берничә атлы милиция халыкны бик саклык белән генә, әкертен генә ерып килә, әмма ат алдында юл азрак ачылгандай була да шунда ук ябыла бара. Шулай шактый вакыт тырышкач, табутны алып чыгу өчен кечерәк мәйдан ачылды... (Иделле, 2020: 310).

Через два года, 19 июня 1933 г., в здании Татарского государственного академического театра на ул. Горького состоялось прощание с драматургом, одним из основоположников татарского театра Галиасгаром Камалом. Он скончался тремя днями ранее недалеко от с. Нижний Услон. Смерть очередного классика стала началом его культурной канонизации, которая достигла своей кульминации после переименования государственного татарского театра в Казани в ТГАТ им. Г. Камала.

Похороны Г. Камала проходили по тому образцу, который установился в качестве условного стандарта статусных похорон в начале 1930-х гг. По сложившейся практике, по постановлению ЦИК ТАССР создается правительственная комиссия. 17 июня тело покойного перевозится в Казань и размещается в зале Дома татарской культуры. На следующий день тело переносится в здание татарского театра для проведения публичных ритуалов.

Зал для прощальной церемонии был подготовлен соответствующим образом: на возвышении в центре фойе театра разместился гроб, рядом с ним многочисленные венки, ленты, цветы, огромный портрет. Установлен почетный караул, в составе которого участвовали писатели, деятели искусства, профессора, представители фабрик и заводов. За гробом размещались красные знамена, в том числе флаги с эмблемами правительства ТАССР.

В день прощальной церемонии фойе театра превратился в аналог мавзолея и музея, потому что помимо тела драматурга, здесь же была выставлена посмертная маска (автор С. Ахунов) и установлена витрина с рукописями, фотографиями, книгами и телеграммами о соболезновании.

В случае похорон Г. Камала интересна организация советского статусного прощания с точки зрения расписания программы. Люди могли в последний раз увидеть тело Г. Камала в течение одного дня с 9:00 до 17:00. Вынос тела из здания театра и начало последнего маршрута состоялось уже в 18:00. Колонна доходит до кладбища в 19:15. Гроб опускается в 19:50 (Әмир, 1972: 175). Такие поздние похороны были нетипичны для татарской погребальной практики, где

было принято не затягивать процесс до вечера. Впрочем, конкретно это прощание состоялось в летнее время с его поздними закатами.

Траурная колонна, идущая от театра к кладбищу, продолжала сложившуюся традицию: звучал оркестр, во главе колонны были важные деятели эпохи, проносились знамена автономной республики, знаки и эмблемы различных организаций. Похороны служили утверждению нового статуса Г. Камала как советского деятеля, поэтому было решено похоронить его не на Ново-татарском кладбище, а на Братском кладбище рядом с Х. Такташем.

В конце 1930-х годов статусные похороны татарских деятелей проходили по сложившемуся в начале десятилетия порядку. Часть деятелей хоронилась на Братском кладбище, однако большинство нашло место упокоения на Ново-Татарском кладбище. Некоторые представители советской татарской интеллигенции похоронены на Арском кладбище (например, педагог Н.С. Надеев).

К этому времени статусные похороны татар соответствовали общим советским стандартам. В декабре 1942 г. умирает классик татарской литературы Ш. Камал (1884–1942), чьи похороны, несмотря на условия военного времени, становятся еще одним масштабным событием в культурной жизни Казани. В них были использованы все утвердившиеся элементы: фотофиксация, снятие маски, посмертные зарисовки портрета, остановка часов в момент смерти для музеефикации, некрологи и траурные речи, почетный караул из красноармейцев, дежурные у гроба, флаги и огромные портреты в зале для прощания (Шәриф Камал, 2023: 179).

В 1912–1913 гг. на похоронах Х. Ямашева и Г. Тукая зарождается формат масштабных статусных похорон выдающихся деятелей татарской политики и культуры. В них соединились элементы конфессиональных и светских, европеизированных похоронных обрядов. Уже на этих первых статусных похоронах появился пафос героики и жертвенности (пока во имя интересов нации и ее светлого будущего).

В период Гражданской войны у татар появляются свои «мученики», погибшие во имя революции и советской власти. Так, в татарском обществе постепенно прививались формы «красных» прощаний, появилось Братское кладбище в Казани как место захоронения героев нового мира. Однако введение гражданских статусных похорон встречало противодействие сторонников традиционных обрядов. Иногда, как в примере с Ф. Амирханом, похороны становились ареной борьбы за право интерпретировать роль и место героя в истории нового общества.

В начале 1930-х годов советская власть в целом определила для себя приемлемый порядок проведения статусных похорон выдающихся деятелей культуры, науки, хозяйства и политики. В Казани образцами татарских статусных похорон эпохи стало прощание с Х. Такташем в 1931 г., Г. Камалом в 1933 г., А. Зулькарнаевым в 1935 г. и Ш. Камалом в 1942 г. Все эти похороны олицетворяли разные аспекты «стандарта» прощания с признанным значимым для советской власти деятелем эпохи. К этому времени включенные в идеологию

культурный канон деятели оказались лишенными возможности быть погребенными в соответствии с религиозным ритуалом.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список сокращений

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

ТГАТ – Татарский государственный академический театр

ЦИК ТАССР – Центральный исполнительный комитет Татарской Автономной Советской Социалистической Республики

ИСТОЧНИКИ

Атака. 1931. №11–12.

Ахметова Д. Фатих Амирхан в фотографиях. Казань: ИЯЛИ, 2016.

Әмир М., Кәрим Ф., Рәмиев И. Галиәсгар Камалны күмгәндә // Галиәсгар Камал турында истәлекләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. Б.172–175.

Әмирхан Ф. Мәгънәсез тәкълид // Духовное наследие: поиски и открытия / под. ред. И.Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2016. Вып. 2. С. 56–58.

Әсгать Ф. Сүзләрдән чәчәкләр. Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты, 1927.

Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик җыентык. Казан: Рухият, 2002.

Камал Г. Хөсәен әфәнде Ямашевның мәрасиме // Йолдыз. 1912. №808.

Иделле Г. Шагыйрьне сагынганда // Нади Такташ: фәнни-популяр җыентык / төз. Л.Р. Гайнанова. Казан: Жыен, 2020. Б.303–310.

Кәрим Сәгыйд көндәлеге // Духовное наследие: поиски и открытия / под. ред. И.Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2016. Вып. 2. С. 220–268.

Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая: в 3 кн. Кн. 3: 1911–1913 / под ред. М.И. Ибрагимова, Л.Р. Надыршиной. Казань, 2021.

Хәбәрче. Фатих Әмирханны соңгы юлга озату // Фатих Әмирхан турында истәлекләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. Б. 163–167.

Шәриф Камал: фәнни-популяр җыентык / Төз. Шәйхин А.Р., Жиһангирова Г.Р. Казан: Жыен, 2023.

Фонд НМ РТ. КППи–124352/1035.

Фонд НМ РТ. КППи–124352/1170 Л–1343.

ЛИТЕРАТУРА

Дусаева Э., Гиматдинова Г. Габдулла Тукай: памятование татарского поэта в юбилейные даты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. №6. С. 1577–1594.

Малышева С. Красный Танатос: некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. 2016. №2. С. 22–46.

Савин А.И., Тепляков А.Г. «Красные похороны». Новая похоронная обрядность в молодой Советской России // Идеи и идеалы. 2021. Том 13, №3, ч.1. С. 205–228. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228>

Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Хәсәнов Х. Революционер-большевик Хөсәен Ямашев. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1959.

REFERENCES

- Dusaeva E., Gimatdinova G.I. (2017) Gabdulla Tukay: Anniversary commemoration of the Tatar poet. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. seriya gumanitarnye nauki* [Kazan Journal of Historical, Linguistic and Legal Research]. Vol. 159. No. 6: 1577–1594. (In Russ.)
- Khäsānov Kh. (1959) *Bolshevik revolutionary Khusain Yamashev*. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Tat.)
- Malysheva S. (2016) Red Thanatos: necrosymbolism of the Soviet culture. *Arkheologiya russkoy smerti* [Archaeology of Russian Death]. No 2: 22–46. (In Russ.)
- Savin A., Teplyakov A. (2021) “Red Funeral”. New funeral rites in early Soviet Russia. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 13. No. 3. Part 1: 205–228. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228> (In Russ.)
- Sokolova A. (2022) *A new man – a new death? Funeral culture of the early USSR*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Шайхин Айдар Расимович, заведующий музеем истории татарской литературы с мемориальной квартирой Шари́фа Камала – филиала Национального музея Республики Татарстан, старший преподаватель кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, ул. Островского, 15, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0008-2534-6522>; e-mail: a-shayhi@yandex.ru

About the author: Aydar R. Shaykhin, Director of the Museum of Tatar Literature with Sharif Kamal’s memorial apartment – a branch of the Republic of Tatarstan National Museum, Senior Lecturer at the Department of Religious Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (15 Ostrovskiy St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0008-2534-6522>; e-mail: a-shayhi@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 5.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised 9.09.2025

Принята к публикации / Accepted 29.10.2025